

РУССКИЙ ЯЗЫК

ОБРАЗ ПТИЦЫ: ОТ БИБЛИИ К ХУДОЖЕСТВЕННОМУ ТЕКСТУ

К.Н. Дубровина, М.В. Кутьева

Кафедра общего и русского языкознания
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макляя, 6, Москва, Россия, 117198

В статье рассматриваются метафоризированные значения лексемы *птица* и некоторых видовых наименований птиц в Библии и поэтическом тексте, исследуется как их традиционная семантика, так и семантические трансформации.

В культуре большинства народов птицы выступают как обязательный элемент религиозно-мифологической системы, как особые мифопоэтические классификаторы и символы божественной сущности, верха, неба, солнца, жизни, пророчества, духа и души в древнем мире, сохранившие это значение в христианской символике. В одном из первых художественных текстов человечества — Библии — птицы упоминаются многократно. К образу птицы авторы и Нового, и Ветхого Завета обращаются как к средству передачи особенно сложных мыслей.

Моисей разделял птиц, как и животных, на чистых и нечистых. Чистых можно было есть, а нечистые подвергались запрету на употребление в пищу. Чистыми считались те птицы, которые питаются зернами и семенами; нечистыми — те, что охотятся, пожирают мясо, рыбу, падаль. Чистых птиц приносили в жертву во многих случаях (Лев. 1:14-17, 5:7-10, 14:4-7). В обряде очищения тот, у кого не было козленка или ягненка (чистых животных), мог принести в качестве жертвы двух горлиц или двух голубей. Пророки часто упоминают перелетных птиц, ласточек, журавлей, которые улетают в далекие страны и возвращаются обратно к местам своего жилища. Бог говорит, что Он возвратит Свой пленный народ подобно тому, как возвращаются птицы из отдаленных стран. В Священном Писании встречаются также указания на робость и боязливость птиц. «Встрепенутся из Египта как птицы, из земли Ассирийской, как голуби, и вселю их в дома их» (Ос. 11:11).

С точки зрения тогдашнего человека Бог одарил птиц чутким инстинктом выбирать время и направление своего полета перед наступлением зимы в более теплые страны, умением ориентироваться в пространстве и не сбиваться с пути. Моисей, чтобы развить чувство сострадания в сердцах людей, заповедует им, что

если попадется кому-либо из них на дороге птичье гнездо с птенцами и матерью, то можно взять себе только птенцов, а мать следует оставить (Вт. 22:6).

Нежному попечению птиц о своих птенцах уподобляется отношение Бога к своему народу: «Как *птицы — птенцов*, так и Господь Саваоф покроев Иерусалим, защитит и избавит, пощадит и спасет» (Ис. 31:5).

Во второй книге Моисеевой (Исход) рассказывается о том, как, явившись пророку на горе Синай, Господь сказал, обращаясь к своему народу: «...Я носил вас как бы на *орлиных крыльях*, и принес вас к себе» (Исх. 19:4).

О том, что птицы находятся под Божьим покровительством, говорится и в книге пророка Матфея. Его высказывание на этот счет стало очень известным и переродилось в крылатое выражение, бытующие в языках большинства христианских народов: «Взгляните на птиц небесных, они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницу; и Отец ваш Небесный питает их» (Мф. 6:26). В словаре Владимира Даля эта сентенция фигурирует как русская пословица без ссылок на Библию — настолько органично она влилась в русскую разговорную речь.

Сравнение с птицами используется в Библии и по другим поводам: «Как воробей вспорхнет, как ласточка улетит, так незаслуженное проклятие не сбудется» (Прит. 26:2). Скорбное чувство с помощью образа птицы передают следующие слова: «Иерусалим, Иерусалим... сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как *птица собирает птенцов* своих под крылья, но вы не захотели!» (Мф. 23:37).

Это восклицание мы находим в Библии не только у Матфея, но и Луки: «Иерусалим! Иерусалим! избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! сколько раз хотел Я собрать чад твоих, как птица птенцов своих под крылья, и вы не захотели!» (Лк. 13:34).

Птичке, покинувшей свое гнездо, уподоблен в Библии человек, оставивший свой дом. «Как птица, покинувшая гнездо свое, говорит Премудрый, так человек покинувший место свое» (Прит. 27:8). Параллель «человек—птица» встречается в Библии неоднократно: «...лисицы имеют норы и птицы небесные гнезда; а Сын человеческий не имеет, где преклонить голову» (Мф. 8:20). В Библии в сравнении с птицей упоминается душа. Прочитаем главу 123 из собрания псалмов: «Душа наша избавилась, как птица, из сети ловающих: сеть расторгнута, и мы избавились».

В книге пророка Осина говорится: «У Ефремлян, *как птица*, улетит слава» (Осин 9:11), Пс. 10:1: «Как же вы говорите душе моей: улетай на гору вашу, *как птица?*». В книге «Плач Иеремии» пророк жалуется: «Всячески усиливались уловить меня, *как птичку*, враги мои, без всякой причины» (Плач Иер. 3:52).

Упоминаются в Библии и различные способы ловли птиц силками: так, Соломон, рассказывая о неразумном юноше, говорит, что он, как птичка, кидается в силки (Прит. 7:23). Птицу принято считать существом доверчивым, легкомысленным, неосмотрительно радующимся чему-то эфемерному. Быстрый полет птиц осознается человеком как мимолетность счастья. Доверчивость и неосмотрительность птицы нашла отражение в стихотворении В.А. Жуковского «Песня»:

Счастлив тот, кому забавы,
Игры, майские цветы,
Соловей в тени дубравы
И весенних лет мечты

В наслаждение — как и прежде;
Кто на радость лишь глядит,
Кто, веряся надежде,
Птичкой вслед за ней летит!

Во многих мифах, сказаниях и сказках птицы приносят полезные сведения героям, сопровождая их в подвигах и тайком подавая совет. К этим сказкам и поверьям восходят фразеологизированные выражения «маленькая птичка мне сказала», «птичка на хвосте принесла». В народном сознании птицы способны общаться с небом, а небесные силы помогают им. Возможен и обратный путь: птица слышит речь человека и передает ее в высшие сферы. Так, в Библии, десятой главе Экклезиаста говорится: «...и в спальне твоей не злословь богатого; потому что *птица небесная* может перенести слово твое, и *крылатая* — пересказать речь твою» (Еккл. 10:20). Мысль о том, что душа погибшего человека стремится к общению с живущими через птиц, высказана Анной Ахматовой:

Но если белым солнцем рая
В лесу осветится тропа,
Но если *птица полевая*
Взлетит с колючего снопа,
Я знаю: это ты, убитый,
Мне хочешь рассказать о том.
И снова вижу холм изрытый
Над окровавленным Днестром.

В сказках часто говорится, что тот, кто понимает птичий язык, наделен важными знаниями, так же как и человек, способный превращаться в птиц, и что птицы добрым или святым людям приносят пищу.

Птицы как посредники божественной воли участвовали в прорицаниях жрецов (авгуров) Древнего Рима, которые давали толкования и предсказывали будущее по птичьему полету и пению. Реминисценции мистического взгляда на птиц можно проследить в следующем четверостишии Владимира Набокова:

Она бледнеет и со страхом,
Ища примет, глядит на *птиц*,
Полет их провожая взмахом
По-детски загнутых ресниц.

До сих пор не забыто суеверие, что мертвые иногда возвращаются к живым в птичьем обличье. Согласно поверью, души утонувших моряков вселяются в морских птиц. Поверье о том, что умершие становятся птицами, воплотилось в стихотворениях Анны Ахматовой:

Зачем притворяешься ты
То ветром, то камнем, то *птицей*?
Зачем улыбаешься ты
Мне с неба внезапной зарницей?

Символ птицы неоднозначен. Сущность его энантиосемична: птица коннотирует и смерть, и жизнь, что сближает семантику этого образа с сущностью идей, высказанных в Библии. Птицы — посланцы из мира мертвых, но они же и настра-

ивают на возвышенный лад, вдохновляют на высокие мысли, провозглашают возрождение к новой жизни. Их пенья просветляет человека, помогает ему преодолеть уныние и стать лучше. Владимир Набоков призывал учиться у птиц смотреть на жизнь светлее: «Не презирая грез бывалых, Старайся лучшие создать. У *птиц*, у трепетных и малых, Учись, учись благословлять!»

Библейские сюжеты активно проникают в творчество отечественных поэтов. Это происходило и в те времена, когда Библия была под запретом. Так, в стихотворении «Сретенье», посвященном, кстати, Анне Ахматовой, Иосиф Бродский рассказывает о том, как старец Симеон наконец-то дождался появления на свет Мессии (Иисуса Христа) и теперь может спокойно умереть. Слово при этом сравнивается с птицей:

И старец промолвил: «Сегодня,
реченное некогда слово храня,
Ты с миром, Господь, отпускаешь меня,
затем что глаза мои видели это
дитя: он — твое продолженье и света
источник для идолов чтящих племен,
и слава Израиля в нем». — Симеон
умолкнул. Их всех тишина обступила.
Лишь *эхо тех слов*, задевая стропила,
кружилось какое-то время спустя
над их головами, слегка шелестя
под сводами храма, как некая *птица*,
что в силах взлететь, но не в силах спуститься.

Возможно, птица, которой дано взлететь, но не дано спуститься, это, кроме слов, еще и Святой Дух, или душа самого Симеона.

О. Мандельштам сравнивает слово, обращенное к Богу, и свою душу с птицей:

Образ твой, мучительный и зыбкий,
Я не мог в тумане осязать.
«Господи!», — сказал я по ошибке,
Сам того не думая сказать.
Божье имя, как большая птица,
Вылетело из моей груди...
Впереди густой туман клубится,
И пустая клетка позади.

Казалось бы, метафоры «душа-птица», «сердце-птица», «человек-птица» исчерпали себя. Но неожиданно мы находим их у поэта-песенника, активно противопоставившего себя традиционности в поэзии, — Вячеслава Бутусова. Песню под названием «Бедная птица» исполняет группа «Наутилус Помпилиус». В ней, кроме образа птицы, воспроизведена и параллель «грудь — грудная клетка — клетка птичья»:

Я не помню, как звали этот маленький город.
Я не помню, в каком это было столетье,
Но я взял тебя в руки, как *бедную птицу*,
которую ранили глупые дети...

и в груди моей клетка,
а в ней вместо сердца
бьется, крылья ломая,
эта бедная птица.

Птицы в целом могут оказаться и символом смерти. Так, встречающееся не однажды в Библии выражение «отдать тело птицам небесным» означает «убить»: «И сказал Филистимлянин Давиду: подойди ко мне, и я отдам тело твое *птицам небесным* и зверям полевым» (Цар. 17:44). В некоторых главах книги, например, там, где говорится о поединке Давида и Голиафа, тайный смысл этого оборота расшифровывается: «И я убью тебя, и сниму с тебя голову твою, и отдам трупы войска Филистимского *птицам небесным* и зверям земным, и узнает вся земля, что есть Бог в Израиле» (Цар. 17:46).

Некоторые птицы, согласно поверьям, предвещают несчастье. Обратимся снова к библейским текстам. В псалме 102, в молитве страждущего, когда он унывает и обращает к Господу печаль свою, отчаявшийся сравнивает себя с птицами: «Я уподобился *коршуну* в пустыне; я стал как *филин* на развалинах; не сплю и сижу, как *одинокая птица* на кровле» (Пс. 102:6,7).

В Ветхом Завете в пророчестве Исаяи говорится о том, что гнев Господень обрушится на людей и земля опустеет. Теме Божественного гнева посвящена вся 34 глава книги пророка Исаяи. Для иллюстрации ужасающей картины разорения и опустошения привлекаются образы некоторых животных и птиц, имеющих отрицательные коннотации:

- «34.9. ...и будет земля ... горящею смолою:
- 34.11. и завладеют ею пеликан и еж; и филин и ворон поселятся в ней...
- 34.13. ...и будет она жилищем шакалов, пристанищем страусов.
- 34.15. Там угнездится летучий змей, будет класть яйца и выводить детей и собирать их под тень свою; там и коршуны будут собираться один к другому».

Глубоко мрачным, отрицательным символом выступает птица в «Песенке о Феде Добровольском» Иосифа Бродского, где она идентифицируется со зловещим знаменем смерти:

Желтый ветер маньчжурский,
говорящий высоко
о евреях и русских,
закопанных в сопку.
Только минимум света.
Только *утлые птицы*,
словно облачко смерти
над землей экспедиций.

Однако основной, самой главной птицей Библии, несомненно является голубь, символизирующий Святой Дух. Во всех четырех Евангелиях одинаково сказано, что Дух Святой «как голубь» сошел на Спасителя, указывается на то, что Дух Святой имел вид голубя. Эта птица, кроме того, — знак хороших новостей, ведь именно голубь принес Ною весть о закончившемся потопе.

Поэтом, сумевшим многопланово переосмыслить библейский образ голубя, явилась Анна Ахматова. «Голубиная» символика в ахматовском мире многогранна. Она сопрягается и с христианскими мотивами воплощения Святого Духа в виде голубя, и с любовным чувством:

То змейкой, свернувшись клубком,
У самого сердца колдует,
То целые дни голубком
На белом окошке воркует —

читаем в стихотворении «Любовь».

В стихотворении А. Ахматова «Муза» наделяет семантику этого образа глубинными смыслами творческого бытия, делая его атрибутом явления Музы и таким образом связывая его с творческим вдохновением:

Муза ушла по дороге
Осенней узкой, крутой,
И были смуглые ноги
Обрызганы крупной росой.

...

Я голубку ей дать хотела,
Ту, что всех в голубятне белей,
Но птица сама полетела
За стройной гостьей моей.

Привлекая исследования А.А. Потебни в области мифологической семантики «пера» и «языка птиц», мы осознаем, что специфику смысловых пересечений в лирике Ахматовой составляет универсальное единство символа «птица-слово». Прибегая к образу птицы, поэтесса увековечила человеческие страдания в глубинах космической памяти.

Внутренней жизни Ахматовой как поэта было присуще имплицитное ощущение трагизма во всех сферах бытия. Парадокс заключается в том, что страдания являлись для нее тем рычагом, посредством которого устанавливается утраченная гармония мира и продолжается творчество, питаемое мукой. Именно с осознанием трагизма существования приходит «мудрое согласие с землей» и понимание духовных законов бытия, на которых строится человеческая жизнь. Этим раздумьям посвящена ее элегия «Уединение»:

Здесь солнца луч последний торжествует.
И часто в окна комнаты моей
Влетают ветры северных морей,
И голубь ест из рук моих пшеницу...
А не дописанную мной страницу,
Божественно спокойна и легка,
Допишет Музы смуглая рука.

Заметная поэтическая метаморфоза происходит с образом голубя в творчестве сороковых годов. Модификация этого символа связана с появлением «тю-

ремных», «рыжих» голубей, а также с образом «голубей в окне» как знака смертного предзнаменования. Трансформации символики, коннотируемой образами птиц, обусловлены усилением в художественной системе поэтессы философского поиска на фоне трагизма ее времени.

В стихотворении «Эпилог», написанном под впечатлением очередей в тюрьму, где стояла и Ахматова, потому что там находился ее сын, она просит поставить ей памятник на месте этой очереди — «здесь, где стояла я триста часов, И где для меня не открыли засов». Рассуждение о памятнике сопровождается двумя примечательными деталями-атрибутами: слезы и тюремный голубь, теперь уже символ несвободы и несправедливости:

И пусть с неподвижных и бронзовых век
Как слезы, струится подтаявший снег,
И голубь тюремный пусть гулит вдали,
И тихо идут по Неве корабли.

В Библии находим немало упоминаний основной отличительной части птицы — крыльев. Особенно часто встречается словосочетание «тень крыл» Божиих, в которой спокойно и безопасно (Пс. 35:8), «в тени крыл Твоих» — синоним сравнения себя с «зеницей ока» Божия (Пс. 16:8; 56:2, 60:5, 62:8, 90:4). Крылья у пророка не только символ защиты, но и успокоения: «И я сказал: кто дал бы мне крылья, как у голубя? И я улетел бы и успокоился бы» (Ис. 54:7). Метафоры полета, крыльев, окрыленности — это выражение совершенства, высокой устремленности и духовности, связи с Богом. Обескрыленность, утрата крыльев означает приземленность, невозможность подняться над обыденностью. Вспомним приговор Максима Горького: «Рожденный ползать — летать не может!». И еще — его буревестник гордо реет, а глупый пингвин, хоть и с крыльями, но не способный пользоваться ими, «робко прячет тело жирное в утесах».

Усложненную метафору на основе образа птицы, сопровождаемую обращением к Богу, встречаем у В. Набокова в стихотворении «Родина». Слова «птица» в нем нет. Поэт сравнивает с птицей себя, уподобляя свой голос клекоту, свой порыв — взмаху крыла:

Когда из родины звенит нам
сладчайший, но лукавый слух,
не празднословью, не молитвам
мой предается скорбный дух.
Нет, не из сердца, вот отсюда,
где боль неукротима, вот —
крылом, окровавленной грудой,
обрубком костяным — встает
мой клекот, клекотанье: Боже,
Ты, отдыхающий в раю,
на смертном, на проклятом ложе
тронь, воскреси — ее... мою!..

Не названную прямо птицу читатель должен восстановить сам, опираясь на образ крыла и птичьего клекота. О сотворчестве писателя и читателя не раз высказывался А.А. Потебня. В книге «Эстетика и поэтика» он писал: «Слушающий

может гораздо лучше говорящего понимать, что скрыто за словом, и читатель может лучше самого поэта постигать идею его произведения. Сущность, сила такого произведения не в том, что разумел под ним автор, а в том, как оно действует на читателя, следовательно, в неисчерпаемом возможном его содержании» [8. С. 181—182].

Факт потери крыльев может означать нравственное падение или даже гибель. В одном из преданий отнятые Богом у архангела Михаила крылья автоматически означают его изгнание с неба на землю. Так же поступает Зевс, отняв крылья у Меннипа, посмеявшегося взлететь на крыльях к богам на Олимп. Дедал и Икар — символы неумности души и стремления к высшим знаниям. Потеряв крылья, они гибнут. Вспомним ахматовскую известнейшую строфу из «Смятения»: «И я не могу взлететь, / А с детства была *крылатой*».

Горестно вздыхает и стонет бедная Психея, лишившись крыльев. В русских былинах отрицательные персонажи редко имеют крылья, да и то какие-то не настоящие (бумажные), но когда они их теряют, — это означает их гибель. Потеря духовных крыльев для Марины Цветаевой равносильна проклятью:

Новый год я встретила одна.
Я, богатая, была бедна,
Я, *крылатая*, была проклятой.
Где-то было много-много сжатых
Рук — и много старого вина.
А крылатая была — проклятой!
А единая была — одна!
Как луна — одна, в глазу окна.

Человек пытается конструировать природу по своему образу и подобию, наделяя ее обитателей субъективными чувствами. А.А. Потебня в работе «О связи некоторых представлений в языке» объяснял механизм номинации следующим образом: «Сначала человек стремится увидеть состояние своей души в окружающих его явлениях природы, и ход этого сознания, себя во внешнем мире дает ему наслаждение творчества. Потом, когда цель достигнута, природа построена по образу человека, когда всякий ее луч и звук напоминает известное явление внутренней жизни, может случиться, что человек рад бы отделаться от этих напоминаний... А между тем привычная мысль по-прежнему толкует природу» [7. С. 452], и кажется, будто это природа сама — носительница человеческих качеств. Птицам в особенной степени приписывались человеческие мысли, чувства, порывы, стремления и поступки. Именно птицы стали символами таких абстрактных категорий, как мир (голубь), смерть (ворон), красота (лебедь), поэзия (соловей).

В Библии птица становится символом одного из евангелистов — Иоанна. Эта птица — орел. Заметим, что среди четырех Евангелий — Марка, Матфея, Луки и Иоанна — три первых — синоптические. Четвертое — от Иоанна — отличается особенной оригинальностью.

Орел с удивительно светлым взглядом упоминается в песне «Город» Бориса Гребенщикова (авторы текста — А. Хвостенко, А. Волохонский), звучащей в куль-

товом кинофильме конца 80-х годов — «Асса». В этой песне затронуты три из четырех символов четырех евангелистов: лев, бык и орел.

Под небом голубым есть город золотой,
С прозрачными воротами и яркою звездой.
А в городе том сад, все травы да цветы;
Гуляют там животные невиданной красоты.
Одно — как желтый огнегривый лев,
Другое — вол, исполненный очей;
С ними золотой орел небесный,
Чей так светел взор незабываемый.

Прожив огромную жизнь на страницах самых важных для человека книг, образ птицы стал одним из самых глубоких, объемных и многогранных символов.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Ахматова А.А.* Сочинения в 2-х томах. — Т. 1. — М.: Художественная литература, 1990.
- [2] Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. Перепечатано с Синодального издания. Изд. 2-е. — М.: Изд-во «СЕР» и «СМП», 1988.
- [3] *Бродский И.* Часть речи. Избранные стихи 1962—1989. — М.: Художественная литература, 1990.
- [4] *Жуковский В. А.* Собрание сочинений. — В 4 т. — М.-Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. — Т. 1.
- [5] *Мандельштам О.* Стихотворения. Серия: Поэзия XX века. — М.: Профиздат, 2001.
- [6] *Набоков В.В.* Стихотворения и поэмы. — М.: Изд-во «Аст», 2001.
- [7] *Потебня А.А.* Слово и миф. — М.: Правда, 1989.
- [8] *Потебня А.А.* Эстетика и поэтика. — М.: Искусство, 1976.
- [9] *Цветаева М.И.* Сочинения в двух томах. — Т. 1. — Минск: Народна асвета, 1988.

MEANINGS OF THE WORD «BIRD»: FROM THE BIBLE TO THE LITERARY TEXT

K.N. Dubrovina, M.V. Kutieva

Department of General and Russian Linguistics
Peoples' Friendship University of Russia
Mikluho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

In culture birds are a very important, required and essential element of the religious-mythological system. This symbolic word comes through all Russian literature, especially poetry. The article considers different meanings and connotations of the word «bird» and their development from its usage in Bible to actual poetic creation.